

Проблемы России и опыт Германии: институциональный подход Дюсуше О.М. (ГУ-ВШЭ)

Несмотря на трансформацию институтов¹ в России (в первую очередь, права собственности) и переход к рыночным отношениям и демократическим выборам в рамках президентской республики, внутренние и внешние институциональные соглашения существенно различаются у России и ФРГ. Д. Норт обратил внимание на динамический аспект подобных проблем: «Главная загадка человеческой истории — как объяснить широкую дивергенцию (расхождение) траекторий исторических изменений. Как случилось, что общества стали развиваться по расходящимся историческим траекториям? Почему общества так отличаются друг от друга?» [16, с. 21]. Представления о «полярности мира» широко распространены, и следует согласиться с Нортом, загадка требует решения, тем более, что понимание проблемы актуально для России.

Последние годы высветили ретроспективу: с укреплением экономического положения России, осознанием национальных интересов и формированием внутренней и внешней политики РФ, усложнились проблемы институциональных соглашений с организациями НАТО и ВТО. Одновременно прошедший год показал наличие положительных тенденций во взаимопонимании с внешним миром и рост доверия к РФ. Так, по прогнозам Всемирного банка в 2007 году иностранные инвестиции в основной капитал РФ вырастут на 20 %². Заявка России на проведение Зимней олимпиады в городе Сочи победила в результате голосования в МОК. Итоги XI Петербургского экономического форума весной 2007 года показали рост популярности форума и эффективность заключения международных договоров³.

На форуме в Петербурге вице-премьер С. Иванов по поводу различий российской и западной демократии сказал: "Часто от наших западных коллег приходится слышать, что Россия и Запад идут разными дорогами. Думаю, они забывают об известной истине, что к одной и той же цели ведет множество путей. И в истории есть немало примеров, когда далекие от Запада в географическом и культурном плане страны, в конечном счете, превращались в развитые демократии с рыночной экономикой". Кто мы, откуда мы и куда мы идем – эти вопросы могут рассматриваться с помощью подхода институциональной экономической теории.

¹ В своей нобелевской лекции 9.12.93 года Д.Норт определяет институты, выделяя три компонента: «Институты — это ограничения, структурирующие человеческие взаимоотношения и создаваемые самими людьми. Среди них можно выделить формальные ограничения (правила, законы, конституции), неформальные ограничения (нормы поведения, условности, внутренние принципы), а также механизмы, позволяющие контролировать их соблюдение». Краткое определение по Норту [16, с. 17] «Институты – это правила игры в обществе...».

² ЦБ повысил приток иностранного капитала вдвое. Новости 25.06.2007. см. http://www.newsinfo.ru/news/2007/06/news1359144.php?id_r=7

³ Итоги XI ПЭФ, см. <http://top.rbc.ru/economics/13/06/2007/106287.shtml>

1. Можно ли считать экономический анализ нейтральным?

Проблемы методологии экономического анализа привлекают в последнее время пристальное внимание российских экономистов, однако вопрос «об идеологических корнях и идеологическом содержании экономического анализа» оказался, как ни странно, «на обочине». Исходную точку для понимания проблемы идеологических корней в науке можно найти в работе У. Дж. Сэмюэлса «Идеология экономического анализа», которая была опубликована в переводе на русский язык в 1981 году [19]. Согласно Сэмюэлсу, прямое отношение к этой теме имеют: «проблема ценностей в экономической теории; дихотомия позитивной и нормативной экономической теории; несовпадение факта и его оценки, отношение между сущим и должным, а также проблема видимой легкости, с которой должное подается как вывод будто бы сущего, а суждения о том, что должно быть, представляются как непреложные выводы из того, что есть на самом деле; проблема соотношения экономического анализа и экономической аргументации; отношение между индивидуализмом и коллективизмом в методологии и отношение их обоих к нормативному индивидуализму и нормативному коллективизму, ... кроме того, проблема размежевания сфер собственного экономического анализа и политической экономии... Каково различие между экономической теорией (с ее инструментарием и понятийным аппаратом) *per se* и тем, как экономисты используют эту теорию, иными словами, могут ли теория, ее инструментарий и понятийный аппарат быть свободными от идеологии, тогда как их использование зависит или может зависеть от идеологии?».

В постановке Сэмюэлса вопрос об идеологической нейтральности экономического анализа представляется в значительной степени риторическим. Экономическая теория является субъективным отражением экономических закономерностей в условиях неполноты информации, когнитивных ограничений и неопределенности будущего и подвержена влиянию «факторов культурного и идеологического порядка», т.е. рекомендации теоретиков и экспертов могут нести отпечаток определенной институциональной культуры, в т.ч. ценностей.

Норт также отмечал, что идеология, основанная на субъективном восприятии реальности (как нормативных представлениях об устройстве мира), имеет ведущее значение для человеческого выбора [16, с. 41]. Любопытно, что О. Уильямсон, занимаясь в основном исследованиями «институтов капитализма» в сфере контрактного права, обратился к системному анализу институциональных форм от тысячелетних традиций до текущих рыночных цен, «распределяющих ресурсы» [28]. Уильямсон выделил четыре уровня [28, с. 597] взаимовлияющих классов неформальных и формальных институтов с различным сроком жизни (по убыванию):

1) неформальные институты: обычаи, традиции, религиозные нормы (*embeddedness*, что называется далее институциональной культурой), изучение которых он отнёс к области социальной теории;

2) формальные институты: политические (например, конституция), юридические (например, гражданский и уголовный кодексы), бюрократические законы (например, налоговый кодекс), называемые институциональной средой, и отнесенные к экономике права (property rights);

3) судебные решения и контракты (т.е. правоприменение, в т.ч. контрактного права), отнесенные к экономике транзакционных издержек;

4) а также цены, количества и стимулы, распределяющие ресурсы и занятость, изучением которых занимается неоклассическая экономика.

Классическое понимание системы рыночных цен, как механизма распределения ресурсов в экономике, позволяет отнести их к институтам в широком смысле, как «правилам игры». Заметим также, что цены в экономике СССР также определяли «правила игры», однако и устройство общества и вся система «правил игры» в обществе были иными. Правила игры зависели от других представлений и традиций, которые могут сохраняться в течение жизни нескольких поколений, и оказывать влияние не только на правоприменение, но и трансформацию формальных институтов.

Таким образом, рекомендации экономистов и экспертов, и принятие решений в экономической политике несут имплицитные предположения о реагировании агентов в духе «родной» институциональной культуры, даже если институциональная среда, в т.ч. законодательство, «чужой» экономики были скрупулезно проанализированы.

Рассматривая реформы Эрхардта, как «кэйс», необходимо отметить, что особенности трансформации экономики — в его ограниченности узкими временными рамками, высоких темпах изменения социально-экономических условий и адекватности экономической политики, несмотря на столкновение различных подходов к идеологии проведения реформ. Интересы конфликтующих идеологий представляли (в разное время в различной степени) три стороны: оккупационные англо-американские власти, заинтересованные в противостоянии коммунистической идеологии планового хозяйства СССР; немецкое правительство, ответственное за возрождение экономики в условиях разрухи, послевоенных репараций и возвращения военнопленных; и оппозиция, акцентировавшая внимание на социальных вопросах.

2. О немецком «экономическом чуде»

Денежная реформа в Германии готовилась в течение двух лет (1946-1948 гг.), когда введение оккупационными властями карточной системы и «замораживания» цен успеха не имели [18, с. 81]⁴. Именно немецкая сторона на первой стадии денежной реформы предложила сокращение вдвое денежной массы по сравнению с американским планом Колма-Голдсмита-Доджа. Реформа 20 июня 1948 года предусматривала ряд «правил»:

⁴ Здесь и далее использованы материалы издания, подготовленного Российским независимым институтом социальных и национальных проблем совместно с Фондом им. Л. Эрхарда [18].

сохранение номинала текущих платежей; прогрессивную шкалу обмена с отсрочкой части сбережений; сокращение в 10 раз взаимных обязательств фирм; аннулирование государственных обязательств; санацию коммерческих банков и независимость центрального банка (Банк немецких земель); однократное, стартовое⁵ наполнение фонда зарплаты предприятий и бюджетов разных уровней; снижение налогового бремени и льготы для стимулирования сбережений [18, с. 84-85].

Реформу, стартовавшую 20 июня 1948 года нельзя рассматривать как исключительно денежную, это была комплексная санация институтов экономической системы. Как уже отмечалось, в момент ее введения конкурировали, по крайней мере, три идеологии продолжения реформ. Английские советники-лейбористы и германские социал-демократы рассматривали целесообразность установления центрального планирования и государственной собственности в тяжелой промышленности. В американской военной администрации были сторонники кейнсианских способов выхода из затяжной экономической депрессии. Эрхардт, еще в преддверие денежной реформы публично заявлял о необходимости перехода к рынку, однако военная администрация не поддержала его.

Политическое чутье Л. Эрхарда подсказало ему оптимальное решение (рассматривая Эрхардта как «политического предпринимателя», уместно применение понятия Кейнса – «animal spirit»). Непосредственно за объявлением денежной реформы в июне 1948 года Эрхардом был введен в действие закон о принципах хозяйственной структуры и политике цен, отменяющий 90 % инструкций контроля над ценами при сохранении контроля над ценами товаров и услуг первой необходимости и основных видах сырья, а также внешней торговлей [18 с. 87-88]. Четкость, быстрота и своевременность решений, принятых в июне 1948 года определили начальную точку новой институциональной траектории и стимулы рыночного развития экономики.

Есть русская пословица: «Хорошее начало – половина дела», но удержаться на новой траектории с ее «инкрементными приращениями» (по Норту [15]) можно было, только решая конкретные проблемы последующего институционального развития. Такими ключевыми решениями были: государственная помощь в реализации жилищного строительства; организация общественных работ (в т.ч. строительство дорог), административные ограничения импорта и валютный контроль для снижения внешнеторгового дефицита, финансовая поддержка развития приоритетных отраслей [18, с. 90]. Сверим решения Эрхарда на начальной стадии реформ с пятью тезисами институциональных изменений Норта⁶ [15].

⁵ Последующие выплаты и расчеты должны были осуществляться за счет текущих доходов, что настраивало нацию на готовность работать, и не хватало только одного - уверенности, что работа будет справедливо вознаграждаться.

⁶ Работа Норта [15] имеет неординарную структуру. Начиная с очень краткой формулировки тезисов, он возвращается трижды к каждому из них в других разделах, названных Объяснения, Дискуссия,

Тезис первый: ключом к пониманию институциональных изменений является взаимодействие институтов (правил игры) и организаций (игроков).

Новые законы (правила игры) не исполняются исключительно по приказу, необходима лояльность «участников игры», а игроками в Германии 1948 года была вся нация и оккупационные власти. Насколько известно, активных выступлений и недовольства при объявлении денежной реформы удалось избежать. Можно выделить три объясняющих (психологических) обстоятельства: 1) Эрхард обращался к нации с пояснением своих планов накануне реформы, и реформа не была неожиданной; 2) немцы устали от войны, разрухи, карточек и необеспеченных денег, и психологически были готовы принять стартовые условия реформы, где никто не был забыт; 3) Эрхард принял ответственность за введение закона о принципах хозяйственной структуры, одобренного Экономическим советом (но не оккупационными властями, которые, тем не менее, сохранили нейтралитет), доверие населения основывалось, по-видимому, в значительной степени на армейских традициях повиноваться начальству и национальным нормам повиновения законам.

Тезис второй: конкуренция – фактор, вынуждающий инвестировать в навыки и знания (индивидов и организаций) с целью поиска лучших альтернатив, что ведет к изменению институтов.

Введение рынка, и, следовательно, конкуренции при целевой поддержке приоритетных социальных и производственных направлений способствовали возрождению обычаев делового оборота в новых условиях, организации быта, сплочению нации в повышении экономической эффективности.

Тезис третий: институциональная структура обеспечивает стимулы отбора навыков и знаний, и отражает рыночную власть тех, кто способен создавать и изменять правила.

К осени 1948 года возросшее количество денег в обращении повлияло на динамику цен, и Эрхард незамедлительно принял решение о блокировании (до 70 %) вкладов на счетах населения; регулярной публикации каталогов «уместных цен»; о программе обеспечения населения потребительскими товарами по сниженным ценам; о либерализации внешней торговли (для наполнения внутреннего рынка и создания конкурентной среды); также были повышены нормы обязательных резервов центральным банком и даже принят запрет на выдачу кредитов (на ограниченный срок). В ноябре состоялась демонстрация протеста против реформ Эрхарда. Однако, он был уверен, что принятые изменения правил (вмешательство государства в экономические процессы) – временная мера, необходимая для укрепления растущих рыночных сил. Эрхард оказался прав, а вмешательство государства

– эффективным. К весне 1949 года цены стали снижаться⁷, и население успокоилось.

Тезис четвертый: менталитет агентов существенно влияет на их выбор (и отбор навыков). При теоретическом подходе мы должны не сомневаться в том, каким образом люди приходят к выбору.

Эрхард был уверен в действенности проводимых реформ (насколько это возможно в ситуации неопределенности). По-видимому, его уверенность основывалась на трудолюбии населения, склонности к порядку и стремлении улучшить жизненные условия, а также в наличии предпринимательского таланта и умения ориентироваться в условиях конкуренции, т.е. институциональной культуре. Проводимые реформы создали условия для реализации этих склонностей.

Тезис пятый: экономия от масштаба, комплементарность и сетевые экстерналии институциональных форм определяют инкрементность (прирост) и зависимость от пути развития. Сегодняшний выбор ограничивает будущий выбор.

Никто, ни оккупационные власти, ни сами немцы, в 1948 году не предвидели, что институты проведенных реформ образуют настолько эффективные институциональные формы, которые выдвигают ФРГ в тройку лидеров мировой торговли. Социальное рыночное хозяйство было основано на таком сочетании индивидуальных стимулов и коллективных устремлений, которые дали пример редкой экономической эффективности – «немецкого чуда». Выбор Эрхарда определил *возможность* всех последующих выборов, оптимально снял ограничения институционального развития. Ряд решений непосредственно влиял на снижение транзакционных издержек эксплуатации экономической системы: строительство дорог и ограничение цен на почтовые услуги (сети интернет в те времена еще не было) создавали предпосылки взаимодействия бизнеса; обращения к нации с разъяснениями проводимой политики уменьшали «информационные издержки» и снижали неопределенность принятия решений. Если бы ФРГ последовала одной из альтернативных стратегий выхода из кризиса, можно только предполагать, как изменилась бы мировая экономическая история.

Нет сомнений в заслугах Эрхарда в проведении экономической реформы, но можно ли считать, что он внес значительный вклад в развитие экономической науки? И если да, то какой именно вклад? Экономическую науку можно разделить на экономическую теорию (включая фундаментальную составляющую) и прикладную науку. Очевидно, что прикладная наука намного более трудоемкая, и до настоящего времени разработана меньше теоретических основ, что подтверждается нерешенными проблемами экономической политики, как во времена Эрхардта, так и в настоящее время. Можно предположить, что ограниченность прикладной науки связана с нерешенными проблемами взаимосвязи институциональных

⁷ Само по себе повышение или снижение цен мало о чем говорит. Уильямсон [28] рассматривает рыночные цены, одновременно с объемами и стимулами, как «институты» третьего уровня управления – текущие правила распределения экономических ресурсов.

форм различных уровней, начиная от правил формирования цен (в том числе, их роста), контрактного права, формальных законов и кодексов (институциональной среды) до институциональной культуры (включая религиозные взгляды, традиции, ценности и особенности национальной психологии и менталитета). Опыт реформ Эрхарда в институциональном аспекте изучен еще недостаточно. Однако, то, что он не сформулировал теоретических положений проведенной реформы, не означает отсутствия вклада. Само формирование институциональной среды в ее развитии, которая обеспечила единство индивидуальных и коллективных (сетевых) устремлений на пути экономического роста заслуживает признания вклада в экономическую науку.

3. О применимости опыта реформ

Немецкий профессор Х. Зиберт в небольшой по объёму монографии рассмотрел многоплановые задачи экономической политики и проблемы социального хозяйства в применении к ФРГ [9]. Работа содержит уникальный перечень и анализ проблем, связанных с перераспределением национального дохода, и ее можно изучать как справочник. Зиберт рассмотрел «великие политэкономические заблуждения», такие как планируемые макроэкономические показатели (темп роста ВВП, норма накопления, инфляция, занятость и отраслевая структура) и избирательное воздействие налоговой и процентной политики и инвестиционных заказов. Он обсудил проблемы конкурентоспособности различных стран, изменения структуры спроса на рынке труда, формирования социального пакета (социальное страхование и здравоохранение), а также проблемы стареющего общества, иммиграции и экологии.

Отметим подзаголовок названия книги: «Как можно избежать заблуждений...». Понимание сущности проблем – необходимое условие их успешного решения, однако не достаточное. Разоблачение мифов и анализ ошибок вносят неоценимый вклад, ограничивая сферу допустимых решений, потому что это выявляет факторы, ведущие к неудачам экономической политики. В этом смысле успехи политики труднее анализировать (и повторить), чем отрицательный опыт. Можно ли рассматривать результаты анализа Зиберта [9] как рекомендации к действиям российских политиков? Понимание распространенных заблуждений не гарантирует успеха, так же, как прямое следование рецептам эффективного решения проблем. Зиберт привел (по нашему мнению) замечательный пример «импорта институтов», когда успешный в некоторых случаях метод оказывается порочным в похожих условиях («эффект кобры»). Зиберт в своей монографии отметил «изворотливость» населения на примере случая размножения популяции кобр в Индии, когда правительство объявило премии за головы кобр. Однако «рациональные агенты» выбрали неожиданное для правительства решение – они стали выращивать кобр. Можно рассматривать этот случай как пример неудачного «импорта институтов». В средневековой Европе и в России при

размножении популяции волков власти также объявляли премии за каждую шкуру убитого волка, и это правило работало эффективно, сокращая популяцию волков.

Глобализация мировой экономики, доступность технологий и опыта других стран, и даже объединение их усилий (пример Европейского союза) не всегда помогают в оптимизации текущих решений. Как справедливо заключил Зиберт, эффективные краткосрочные решения могут вести к неблагоприятным (и даже разрушительным) последствиям в долгосрочном периоде [9, с. 16-30, с. 207].

Примеры развития Испании и Чили во второй половине XX века, экономический рост в Китае (вопреки отсутствию свободы и демократии западного образца), новые теории политического цикла, социальные исследования элит и ожиданий населения расширили «банк данных» о траекториях исторических изменений разных обществ. С точки зрения перекрестного анализа эти данные свидетельствуют об ошибочности тезиса К.Маркса - политическая и социальная сферы не являются «надстройкой» над сферой экономической, «первичность» и независимость экономических факторов может быть оспорена. Однако это не означает беспочвенности тезиса об «экономическом империализме». Экономические подходы могут быть применены к анализу институтов, т.е. к «правилам игры» в экономике, политике, социальной сфере. Необходимым и методологически плодотворным является смещение акцентов экономической теории.

4. Институты имеют значение

Рассматривая экономическую политику, мы предполагаем вмешательство государства в эволюционный процесс формирования равновесной траектории. Неоклассический подход игнорирует по большей части факторы, влияющие на траекторию развития общества: легитимность наделения правами⁸, обмен и защиту прав собственности, делегирование права выбора, механизмы принуждения и ограничения свободы выбора, искажение стимулов и внешние эффекты, связанные с несовершенством

⁸ Проблемы легитимности рассматриваются, например, в монографии Хёффе [17]. А.Ф. Филиппов в заметках по переводу монографии отмечает: «Что можно называть "легитимным"? Это вопрос вопросов политической теории. Легитимность — не просто законность, т.е. легальность. Она предполагает некоторое высшее обоснование, нежели законное принятие решений или просто действительность права. Прагматическая легитимация господства состоит в демонстрации его выгоды, но выгоду Хёффе предлагает понимать как дистрибутивную, распределяемую на всех людей, все стороны социальной жизни. А это уже позволяет рассматривать прагматические вопросы в перспективе справедливости, в которую, между прочим, включается и критерий универсального консенсуса... Дело в том, что институты, согласно их антропологической трактовке, не только поддерживают человека как существо, нуждающееся в защите. Они регулируют его влечения, так сказать, изнутри, проникая в глубины его сознания и воли и, удовлетворяя изначальные потребности, надстраивают над ними другие. Поэтому институциональное принуждение отнюдь не воспринимается человеком как нечто внешнее — а это заставляет более точно сформулировать проблему справедливости. Ведь стабилизации служат любые институты, которые функционально эквивалентны. Однако данный антропологический момент автор предлагает совместить с нравственным, что позволяет ему выделять те институты, которые "служат справедливости".

институтов, а также транзакционные издержки и потери, присущие эволюционному функционированию социально-экономической системы⁹.

Под несовершенством институтов понимается внутренние несоответствия институтов различных уровней. Заметим, что подобное понятие «несовершенства» не требует равновесия системы институтов в каждый момент времени, но предполагает существование «тренда», т.е. траектории «точек» во времени, к которым в каждый момент времени стремится система. Вмешательство политиков (ЦБ и правительства) изменяет правила игры, стимулы и стратегии поведения экономических агентов, и, возможно, тренд к которому стремиться состояние системы.

Фундаментальное определение транзакций Дж. Коммонсом, когда в основе отдельной транзакции лежит конфликт интересов, а ее целью является разрешение конфликта путем обмена правами собственности, допускает *универсальное обобщение*, применимое не только для рыночной системы. Это обобщение позволяет рассматривать «отдельную транзакцию, как базовую единицу микроэкономического анализа» не только на продуктовых и политических рынках, но и при заключении социальных контрактов (соглашений). Типы транзакций, определенные Коммонсом [27], исчерпывают все возможные случаи положения сторон: равноправное (сделка), иерархическое (управление), доминирующее (рационирование). Примерами этих трех типов служат рыночные сделки свободного обмена, руководство и подчинение на фирме, лицензирование и налогообложение.

Можно ли считать, что интересы сторон полностью удовлетворены при совершении транзакций? Очевидно, что нет – для любого типа транзакций. На продуктовом рынке покупатель даже в условиях полной информации может выбрать наилучший (из рыночных), но не полностью соответствующий его требованиям продукт, что связано с ограниченным разнообразием предложения продуктов. На политическом рынке дополнительные искажения связаны с результатом выбора по сумме голосов, когда для части электората избирается не «наилучший» кандидат из всех баллотируемых. На фирме искажения связаны с неполнотой контракта между начальником и подчиненным, неопределенностью будущего при его заключении, асимметрией информации о качествах квалификации и поведении подчиненного и начальника. Институты лицензирования и налогообложения определяют порядок и закон для широкого круга экономических агентов, и, даже при ориентации на социально-экономическое различие групп, вызывают искажения стимулов и потери

⁹ Те же «упреки» можно адресовать основным течениям кейнсианского направления. Проблема состоит в том, что неоклассическое и некейнсианское подходы экономической теории обладают развитым аналитическим инструментарием, позволяющим проводить количественный позитивный анализ экономической политики, однако, в области нормативного анализа или экономических прогнозов результаты расчетов в краткосрочном периоде несовершенны, а в долгосрочном, как правило, ошибочны. В то же время, прикладные *количественные* методы неинституционального анализа на основе теории транзакционных издержек и теории игр, практически неразвиты, но качественный анализ институциональных изменений может быть достаточно эффективным для целей политической экономии при выборе альтернативных вариантов.

эффективности. Актуальность подхода Коммонса за сто лет научно-технического прогресса (НТП) существенно возросла с усложнением структуры экономики, ростом разнообразия стратегий агентов и дифференциации доходов населения, и, как следствие, ростом социально-экономических проблем.

Понимание транзакций по Коммонсу позволяет рассматривать функционирование системы институтов как *рынок обмена прав*, где полные, экономические расходы сторон включают транзакционные издержки (в традиционном понимании) и частные потери эффективности, связанные с перечисленными искажениями (которые в широком смысле можно отнести к транзакционным издержкам обмена прав). Первые и вторые снижают эффективность функционирования системы обмена вплоть до наступления кризиса. Кризис можно рассматривать как провал «рынка обмена прав». Провалы «обмена прав» могут включать провалы торговли, выборов, управления на фирме или управления на государственном уровне. Например, в интервью с К. Бендукидзе [2], где он содержательно проанализировал особенности налогообложения в России (до налоговой реформы), приведено замечание, что в начале и середине 90-х годов, налоговое законодательство так сильно ужесточило наказания за просрочку уплаты налогов, что «в некоторых случаях результатом оказался полный отказ от уплаты налогов. Люди обнаруживали, что задолженность по налогам и штрафам растет столь быстрыми темпами, что погасить ее не удастся, что бы они ни делали. Ее суммы быстро делались сопоставимыми со стоимостью самого предприятия».

Удовлетворяют ли маршалианские представления о спросе и предложении на рынке совершенной конкуренции новым потребностям институционального подхода к экономике «обмена прав»? Ответ очевиден. Несмотря на громадную роль в анализе функционирования товарных рынков, этот подход не в состоянии обеспечить понимание растущего разнообразия общественных феноменов в условиях НТП: дифференциации продуктов и политических требований (вкусов) избирателей, дифференциации на рынках труда, непрерывного роста цен и дифференциации доходов и т.п. Например, маршалианские представления о рынке не учитывают и не могут дать ответ на вопросы, какими факторами обусловлен рост дифференциации продуктов, как влияет он на экономический рост, инфляцию, дифференциацию доходов и другие.

Еще более важным является понимание проблемы динамики институтов и сравнительного анализа институциональных изменений, в т.ч., проблемы поставленной Нортон: «как объяснить широкую дивергенцию траекторий исторических изменений». Актуальным является вопрос: можно ли считать многовековую историю такой страны как России примером неэффективной *институциональной траектории*? И как соотносится подобное предположение с периодами экономического роста и эффективной политической конкуренции на мировом рынке? Периоды подъемов и спадов,

а также кризисы присущи истории развития различных государств Запада и Востока, так и России.

Интересную типологию институциональной структуры государственных систем и пример практического применения институционального анализа к истории России можно найти в монографии О.Э. Бессоновой [4]. Бессонова ввела понятие *институционального архетипа* цивилизационной матрицы, который имеет дуальную природу, и состоит из двух типов координации: рыночной и раздаточной. Эти способы координации существуют совместно, конкурируют за различные виды деятельности и органично дополняют друг друга. Центральным элементом каждой локальной цивилизационной матрицы является *институциональное ядро*, увязывающее в единую систему факторы четырех локальных (реальных) сред: материально-технологическую, природно-климатическую, национально-демографическую и культурно-религиозную среды. Дуальность институционального архетипа означает, что между типами координации групп институтов существуют отношения доминантность – компенсаторность. В зависимости от того, какой тип координации доминирует, Бессонова выделила два типа локальных структур (государств): рыночного и раздаточного. Классификация основывается на особенностях доминирующих базовых институтов и доминирующем характере труда, который она назвала формационным элементом. Институциональный анализ государства основывается на особенностях структуры институционального ядра, см. табл.1.

Таблица 1

Элементы институционального ядра	Структура институционального ядра	
	Рыночного типа	Раздаточного типа
Базовые институты		
Обмена	Купля-продажа	Сдача-раздача
Собственности	Частная	Общественно- служебная
Сигнальный	Прибыль	Жалобы
Компенсаторные институты		
Компенсационное регулирование	Государственное регулирование	Частное предпринимательство
Компенсационное обеспечение	Социальное обеспечение	Рыночная торговля
Формационный элемент		
Труд	Частный	Служебный

За основу принята табл.1 в монографии Бессоновой [4, с. 114].

Бессонова полагала, что эволюция цивилизационных матриц может быть представлена в виде смены 4-х-фазных институциональных циклов. Первая фаза, перинатальная (или ре-эволюционная), определяет тип формационного труда и институциональное ядро. Вторая и третья фазы характеризуются структурированием и исчерпанием (устареванием) характера доминирования, связанного с типом формационного труда. В четвертой фазе институциональных трансформаций происходит поиск нового формационного элемента. Смена фаз цикла определяется сменой трудовых моделей, связанных с развитием технологий. Бессонова классифицировала траекторию исторического развития России как эволюцию институциональной структуры раздаточного типа, и отнесла современное состояние России к четвертой, завершающей фазе цикла, когда подготавливается переход к новому циклу путем преодоления сакрализации власти и формирование демократии, гражданских прав и свобод, либерализация экономики. Важной особенностью этой фазы развития она считала деидеологизацию рыночных и раздаточных способов координации человеческой деятельности, признание их равноценности и равноправности для развития мировой цивилизации.

Следует отметить, что методология подхода Бессоновой отличается от подхода к миросистемному анализу И. Валлерстайна [6], который в его описании истории перемен и месте государств рассматривал деление мира на центр и периферию (по принципу экономической эффективности сообществ), а в завершение анализа пришел к тезису о кризисе капитализма. Теория Бессоновой не предсказывает конца капитализма (как рыночной системы), и не противоречит тезису Л. Мизеса [14] об экономической эффективности принципа частной собственности, а также выводам Ф. Хайека [23] об адаптивной (и не обязательно экономически эффективной) приспособляемости институтов (спонтанных порядков). Безупречная с точки зрения диалектики развития систем (которая, заметим, носит элемент теории фракталов¹⁰), теория Бессоновой учитывает роль геополитических и техногенных факторов в циклическом и поступательном характере динамики развития обществ. Этот подход «соприкасается» с идеями Дж. Гелбрейта [8] о конвергенции различных общественных систем с развитием технологий и совершенствованием знаний.

Также можно добавить соображения относительно *методологической* общности подхода Бессоновой с современной теорией организаций Менара-Уильямсона [13], где два чистых архетипа (рынок и фирма) основаны на двух принципах управления: равноправного положения сторон, и права «приказов и указов» одной из сторон, в зависимости от издержек осуществления трансакций, а их комбинации образуют гибридные структуры. Можно заметить, что так же, как и в теории организаций Менара-Уильямсона, основополагающий принцип адаптационной эффективности для локальных

¹⁰ Имеется ввиду, что цивилизационные структуры, государства, базовые и компенсаторные институты ядра категоризированы по одному и тому же принципу координации, как «рыночные» и «раздаточные».

институциональных структур (государств) Бессоновой, очевидно, основан на критерии трансакционных издержек Коуза. Так, большие расстояния, разнообразие многонациональных культур и экономических укладов ведут к высоким издержкам координации, передачи информации и т.д., и в определенные исторические периоды делают более эффективным (доминирующим) раздаточный тип координации. Очевидно, что более высокие трансакционные издержки снижают темп движения по траектории развития, и, наоборот, их снижение ускоряет развитие.

Таким образом, отличия природных условий, национально-демографические и культурно-религиозные особенности локальных сообществ определили различие стартовых условий еще во времена неолитической революции (по Норту), а законы инкрементных приращений, зависимость от пути развития и высокие трансакционные издержки – дивергенцию траекторий развития. Рост многообразия технологий, усложнение структуры экономики и глобализация ведут к росту (трансакционных) издержек координации, а международная торговля, успешный импорт экономически эффективных институтов и совершенствование «суммы технологий» – к снижению трансакционных издержек, что может способствовать конвергенции различных общественных систем. Нежесткие ограничения определяются, по-видимому, факторами первоначальной наделенности.

Как уже отмечалось, понимание закономерностей институциональных изменений имеют большое значение при выборе экономической политики, так же как и результаты аналитических исследований, однако их практическое применение не является ясным и простым делом. П. Самуэльсон в 1961 году в своем президентском обращении к Американской экономической ассоциации высказал по этому поводу ряд парадоксальных утверждений. Являясь одним из выдающихся аналитиков экономической теории и создателем ряда экономико-математических моделей, а также главным экономическим советником США, он утверждал, что экономический анализ и экономическая действительность – это два разных мира, поэтому понять логику аналитических результатов политик не в состоянии и не прислушивается к рекомендациям экономистов. В определенной степени такие же проблемы возникают в отношениях экономистов и политиков в условиях трансформации экономики России.

5. Проблемы инфляции, стабилизационного фонда и структурных изменений в экономике России

Переход России к экономике рыночного типа и либерализация цен запустили механизм изменения функции денег, и вместе с ним инфляцию. Отрицательные последствия неожиданной инфляции широко известны. Однако также известно, что инфляция в рыночной экономике сопровождает экономический рост, а тотальное подавление ее целесообразно в случае «перегрева экономики».

При либерализации цен компенсация изначально деформированных (относительно рыночных равновесных) цен привела к неожиданно быстрым темпам роста инфляции. В.А. Бессонов в работе по анализу макроэкономической динамики переходного периода отмечал: «есть основания полагать, что ... увеличение темпов инфляции сопровождается снижением синхронности изменения цен отдельных товаров и услуг, и наоборот,... т.е. говорит о трансформационной инфляции» [3, с. 214]. По-видимому, несинхронность изменения цен в период резкого роста цен на нефть также можно отнести к «трансформационной инфляции». Кроме того, появление локальных очагов роста, в период после дефолта 1998 года тоже сопровождалось несинхронным изменением цен. Перечисленные явления оказывают различное влияние на последующее развитие экономики, и, по-видимому, применение инструментов подавления инфляции (воздействия на цены) желательно сделать избирательным, учитывая при этом, что любые воздействия, в том числе, изменения «правил игры» государственными органами, имеют различные временные лаги.

Теоретические проблемы регулирования рынка (в т.ч. инфляции) можно соотнести с выбором модели и ее предпосылок, и обратиться к анализу Блауга о "реалистичности" предпосылок в работе [5], где он полемизировал с инструментальным подходом М. Фридмена. Вопрос реалистичности предпосылок Блауг связывал с необходимостью точного определения обстоятельств, для которых она имеет силу [5, с. 64].

Например, Зиберт считал, что для экономики ФРГ стабильный уровень цен – это верный номинальный якорь [9, с. 56-57]. Применима ли эта рекомендация к российским предпосылкам экспорт-ориентированной экономики в процессе трансформации?

Положение о стабильности цен выросло на известном тезисе М. Фридмена, что инфляция является монетарным феноменом (что очевидно в долгосрочном периоде, когда темпы роста денежной массы превышают темпы экономического роста). Однако, еще в начале прошлого века Дж. М. Кейнс сформулировал универсальное возражение: «В долгосрочном периоде все мы умрем». Как уже отмечалось, из теории экономических циклов известно, что периоды подъема в экономике сопровождаются инфляцией. То есть, инфляция – это интегральный показатель, связанный со структурными сдвигами, ценовыми диспропорциями, ростом денежной массы, который зависит также от притока валюты при фиксированном валютном курсе, ростом процентной ставки¹¹ и ожиданиями населения. В статье Кораблина [10] приводятся данные, отнесенные ко второй половине 60-х годов в Южной Корее: денежная масса росла на 50-70% в год, средний уровень инфляции составлял 13%, а темпы экономического роста — 10% в год, а уровень

¹¹ Дж. Хикс считал, что процент является и монетарным и реальным феноменом [20].

монетизации¹² при этом был повышен с 10% до 27% ВВП (заметим, что темп инфляции не соответствует разности темпов прироста денежной массы и экономического роста по уравнению Фишера в форме приростов).

В период после 2000 года в России, когда рост ВВП был уже очевидным, борьба с инфляцией занимала российское правительство не меньше, чем проблемы дальнейшего роста экономики. Заявление А. Чубайса о необходимости 10% повышения тарифов на электричество на очередном заседании правительства (в марте 2006 г.) было оценено критически, как способствующее росту цен, то есть инфляции. Дискуссия о монетарной или немонетарной природе роста цен ведется и экспертами и министрами [21, 22, 25], однако ясность проблемы и способы выделения компонент инфляции (если это в принципе возможно) еще не достигнута. Учитывает ли борьба с инфляцией «реалистичные предпосылки» и задачи настоящего момента? Подавление инфляции не является самоцелью, важными аргументами могут быть выгоды (или издержки), связанные с проведением политики и ее влиянием на ожидания и стимулы агентов, экономический рост и перспективы развития.

Для открытой экономики большое значение имеет политика обменного курса, накопление и использование резервов. Зиберт сообщал, что денежная политика Европейского центрального банка (ЕЦБ) основывается на анализе большого набора индикаторов, однако ограниченный опыт Европейского союза *не позволил еще выявить стабильные монетарные зависимости* [9 с. 55]. В отличие от США и Германии российское Правительство находилось в условиях бюджетного профицита, позволившего сформировать стабилизационный фонд, одновременно росли валютные резервы Центрального банка¹³. На семинаре Е.Г. Ясина в ГУ-ВШЭ 27.10.2004 «Экономическая политика и стадии развития» В.М. Полтерович и В.В. Попов представили результаты анализа влияния импортных тарифов и скорости накопления государственных валютных резервов на экономический рост. Они показали, что одна и та же политика может ускорять или замедлять рост в зависимости от стадии развития страны. Проблема в том, нужны ли России растущие валютные резервы (правительства и ЦБ), как влияют они на экономический рост? С появлением профицита бюджета возникла проблема координированной политики накопления (и расходования) правительственного резерва. Трофимов [15] считал, что изъятие из

¹² Уровень монетизации характеризует спрос на национальную валюту, который обслуживает и реальный и фондовый рынок. Высокий уровень монетизации и малая скорость обращения денег характерны для развитых экономик при высоком уровне доверия к деньгам, денежной системе, фондовому рынку, т.е. экономике в целом.

¹³ Отвлекаясь от проблем расходования профицита, стабилизационный фонд, как запас, функционирует, по-видимому, так же, как валютные резервы ЦБ изъятые из обращения в экономике А.Л. Ведев, ссылаясь на Минфин, сообщает, что размещение Стабилизационного фонда осуществляется примерно по той же структуре, что и валютные резервы РФ - примерно 2/3 в ценные бумаги (это US treasuries 10-30 лет и немецкие бонды, 10-30 лет в евро).

экономики налоговых поступлений (стабилизационный фонд) снижает потенциальный инвестиционный спрос, способствуют усилению сырьевой специализации российской экономики, сохраняя преимущество доступа экспортеров сырья к мировым рынкам и мировым финансовым ресурсам. Ведев [5] предлагал, что деньги стабилизационного фонда необходимо через инвестиционные банки путем смешанного финансирования направлять на значимые проекты. Решение этих проблем начинается с появлением представлений о перспективной политике, координирующей развитие перспективных направлений хозяйства, включая составление краткосрочных и среднесрочных планов. Нормативный экономический анализ подсказывает нам, что эти планы, не следует рассматривать как федеральные законы, во избежание старых ошибок планирования. Эти планы имеют ценность для принятия сегодняшних решений и анализа ожидаемых среднесрочных перспектив, а также для последующего позитивного анализа и настройки моделей с учетом текущих структурных изменений в экономике и других сферах общества.

Структурные изменения в экономике характерны не только для стран, переходящих от плана к рынку, отличие определяется, в основном, масштабами институциональных изменений. Зиберт поставил вопрос, как много промышленности нужно стране? Также он отметил, что мировая отраслевая структура смещается в направлении информационной и коммуникационной технологии, и биотехнологии, при этом изменяются доли обрабатывающей промышленности и в сфере занятости и в национальном доходе [9, с. 41-44]. Подобная структурная перестройка ориентирована на инновации и укрепление конкурентоспособности страны, и сопровождается инвестициями в образование, науку и создание венчурных фондов¹⁴. Достаточно ли промышленности в России, в том числе, для обеспечения основных потребностей населения?

6. О путях решения социальных проблем России

Дифференциация доходов и доля населения за чертой бедности являются только вершиной айсберга «запущенных» не только во время перестройки проблем. И специфика «старых» проблем определяется особенностями «служебного» характера труда в экономике СССР. Львов в своей статье «Нравственная экономика»¹⁵ отмечал: «Нетерпимо, когда 36 миллионов наших сограждан — четверть населения России — имеют доход ниже прожиточного минимума... Это примерно 2 доллара на человека в день. Трудно себе представить, как вообще могут жить, а вернее — выживать, люди, у которых доходы еще ниже... Бедность сегодня превратилась в один из мощных сдерживающих факторов экономического роста. Мы

¹⁴ В исследовании наукоемких технологий в мировой экономике Авдулова и Кулькина приведен перечень наукоемких технологий и товаров США по данным Статистического управления США (2000 г.) [1].

¹⁵ Концепция нравственной экономики принадлежит швейцарскому экономисту Ж. Ш. де Сисмонди (1773-1842), критически относившемуся к классической политэкономии

перешагнули допустимую границу, за которой человек выталкивается из активного процесса созидания. У него меняются целевые ориентиры, формируется искаженный социально-психологический генотип» [11]. Львов привел сравнительные оценки валового продукта, который производится на 1 доллар часовой заработной платы: в России, по его оценкам, среднестатистический работник производит сегодня в 2,7 раза больше ВВП, чем среднестатистический работник в США. Т. е. оплата труда существенно занижена и не достигла еще среднего «советского» уровня. При этом цены на товары и услуги приближаются к мировым.

Львов считал необходимым провести реформу заработной платы, ввести гарантированный уровень оплаты труда, обеспечивающего стартовые условия нормального воспроизводства рабочей силы, а также внести изменения в действующий Налоговый кодекс, отказаться от, так называемой, плоской шкалы налогообложения в 13 процентов, отказаться от обложения граждан с доходами ниже 500—600 долларов в месяц и активно задействовать механизм налогообложения недвижимого имущества.

Существуют ли дополнительные экономические возможности решения проблемы бедности? Львов, ссылаясь на статью Репетто¹⁶ [11], обратил внимание, что, в то время как износ капитала включается в издержки производства, *сокращение* ограниченных природных ресурсов не отражается в издержках (т.е. невозстанавливаемая убыль ресурсов не учитывается¹⁷). Львов считал, что подобная система создает повышенную антропогенную нагрузку на природный потенциал, т.е. приводит к отрицательным внешним эффектам, и искажает пропорции вознаграждения основных факторов производства (земли, труда и капитала). Львов считал, что для России это означает неоправданно высокую нагрузку на доходы бизнеса и населения, и свидетельствует о неэффективности действующей у нас системы налогообложения. Она угнетает бизнес, сдерживает рост заработной платы и конечного спроса, искусственно увеличивает затраты на производство отечественной продукции и снижает ее конкурентоспособность, стимулирует сокращение рабочих мест в экономике. Необходимо оценить социальную стоимость ограниченных ресурсов, определить величину ренты, и изымать ее у частных лиц, эксплуатирующих месторождения природных ресурсов. Природную ренту следует рассматривать, по мнению Львова, как социальный дивиденд и главный источник общественных расходов, прежде всего сферы бесплатного здравоохранения и образования.

В докладе Яковлева и Ясина на 5-й Международной научной конференции «Конкурентоспособность и модернизация экономики», проведенной в ГУ-ВШЭ весной 2005 года упоминается эта проблема: «Правительством была поддержана идея диверсификации экономики, призванная решить проблему сырьевой ориентации российского производства и экспорта. За ней следом напрашивалась идея изъятия

¹⁶ Р. Репетто. Природные ресурсы в системе национальных счетов. — «В мире науки», 1992, № 8

¹⁷ Дополнительно следует отметить, что проблема замещения по исчерпанию ресурсов требует своевременных научных и прикладных исследований в поиске экономически эффективных альтернатив.

природной ренты, активно развиваемая левым флангом политического спектра, особенно С. Ю. Глазьевым: изъять сверхдоходы нефтяников и снизить налоги на остальных, дав тем самым импульс развитию обрабатывающих отраслей. Вскоре, однако, выяснилось, что доходы нефтяников высоки лишь в силу конъюнктуры и конкурентоспособности их товара, в отличие от большинства других отраслей; что они ничем не выделяются по сравнению с их конкурентами на мировом рынке и чрезмерные изъятия просто приведут к потере ими конкурентоспособности. И так наши нефтяные компании только недавно приступили к внедрению новых технологий, уже давно освоенных другими. А обрабатывающим отраслям как реципиентам выгод еще предстоит достичь конкурентоспособности, доказать, что они могут это сделать в приемлемые сроки» [26]. Очевидно, проблема политики, помимо изменения идеологии отношения к ресурсной ренте в экономической теории, включает также вопросы выбора краткосрочных преимуществ конкурентоспособности сырьевой отрасли на мировом рынке или/и долгосрочного стимулирования внутреннего рынка и решения социальных вопросов.

7. Простые правила институциональной экономики

Создание законов и механизмов контроля, определяющих экономические стимулы функционирования «рынка прав» в государстве являются прерогативой трех ветвей власти. Однако простые принципы не должны быть забыты. Согласно основным положениям неинституциональной экономики транзакционные издержки влияют на функционирование экономики как трение, препятствуют инициативным начинаниям и тормозят экономический рост. В своем исследовании эффективных товарных рынков Д. Норт отмечает: «Исследование экономического развития с исторической точки зрения – это изучение инноваций институтов, которые делали возможными заключение все более сложных сделок благодаря снижению транзакционных (и производственных) издержек этих обменов. Проблема заключается в доверительных соглашениях. Эффективные рынки подразумевают неперсонифицированный обмен во времени и пространстве. Но как добиться доверия в соглашениях «анонимных» сторон? В современном западном мире мы считаем, что выполнение контрактов обеспечивается третьей, принуждающей стороной – государством». Замечание Норта в значительной степени применимо к любому типу транзакций, не только на товарных рынках, но также на рынке труда, в сфере лицензирования и налогообложения, где отношения не являются анонимными, но *неперсонифицированные* отношения повышают доверие и сокращают транзакционные издержки оппортунистического поведения населения в целом. Бюрократические процедуры, неадекватное налогообложение, нелегитимность прав, неэффективное функционирование законов и механизмов соблюдения законности приводят к тому, что даже платежеспособное население не может обеспечить себя жильем, стимулы

эффективных предпринимателей подавлены, риск инвестиций и инноваций чрезмерно велик. Не отрицая остроты настоящего момента и сложности задач, стоящих перед Правительством, Центральным банком, Думой и Президентом в период трансформационных изменений, неинституциональный подход позволяет рассматривать проблемы политики под определенным углом зрения: способствуют ли предпринимаемые действия росту доверия и снижению трансакционных издержек? Создают ли существующие законы и ограничения «правильные» стимулы экономических агентов для продуцирования экономического роста? По-видимому, именно такой вывод подсказывают нам результаты анализа «немецкого чуда».

Литература

1. Авдулов А.Н., Кулькин А.Н. Наукоемкие технологии и их роль в современной экономике (грант РФФИ, проект № 02-06-80004) http://www.rfbr.ru/default.asp?doc_id=5767
2. Бендукидзе К. Налоги за услуги//Отечественные записки. Журнал медленного чтения, <http://strana-oz.ru/?numid=5&article=250>
3. Бессонов В.А. Проблем анализа макроэкономической динамики переходного периода. – М.: ИЭПП, 2005
4. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России. – М.: РОССПЭН, 2006
5. Блауг М. Несложный урок экономической методологии// THESIS, вып. 4, 2000
6. Валлерстайн И. Анализ мировых систем. – СПб.: Университетская книга, 2001
7. Ведев А.Л. Деньги должны распределяться не чиновниками, а через банковскую систему// Мнения экспертов АЛ «Веди», 2006, http://www.vedi.ru/OpEd/vedi_Vedev_011_006_200306.htm
8. Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество/Пер. с англ. –М.: АСТ, 2004
9. Зиберт Х. Эффект кобры. Как можно избежать заблуждений в экономической политике. –СПб.: Университет экономики и финансов. 2003
10. Кораблин С. Немонетарная инфляция//Интернет-Портал, Газета Бизнес, №28 (547), 14.07.2007 <http://www.business.ua/i547/a18387/>
11. Львов Д. Нравственная экономика. Свободная мысль-XXI, №9, 2004, http://www.postindustrial.net/content1/show_content.php?id=104&table=free&lang=russian
12. Материалы Интернет-конференции «СОЦИАЛЬНОЕ РЫНОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО: концепция, практический опыт и перспективы применения в России», <http://www.ecsocman.edu.ru/>
13. Менар К. Теория организаций: разнообразие соглашений в развитой рыночной экономике/Гл. 15 в книге Институциональная экономика. Авторский коллектив под общ. ред. А.О. Олейника. –М.: ИНФРА-М, 2005
14. Мизес Л. Либерализм в классической традиции/Пер. с англ.–М.: Начала-Пресс, 1994

15. Норт Д. Пять тезисов институциональных изменений// Квартальный бюллетень клуба экономистов, вып. 4. Минск: Институт приватизации и менеджмента, Европейский гуманитарный университет, 2000
16. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. –М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997
17. Социальное рыночное хозяйство: концепции, практический опыт и перспективы применения в России/Сборник докладов под общ. ред. Р.М. Нуреева. –М.: ГУ-ВШЭ, 2006.
18. Социальное рыночное хозяйство в Германии: истоки, концепция, практика. Под общ. ред. А.Ю. Чепуренко. М.: РОССПЭН, 2001
19. Сэмюелс У.Дж. Идеология в экономическом анализе. Современная экономическая мысль. Серия: "Экономическая мысль Запада". / Ред.: Афанасьева В.С. и Энтова Р.М./ – М.: Прогресс, 1981
20. Хикс Дж.Р. Стоимость и капитал. –М.: Прогресс. 1993
21. Трофимов Г.Ю. Еще раз про инфляцию (и Банк России)// Институт финансовых исследований, 2006, <http://www.ifs.ru/>
22. Трофимов Г.Ю. Научные споры министров// Институт финансовых исследований, 2006, <http://www.ifs.ru/>
23. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. — Пер. с англ. — М.: Новости при участии изд-ва Catallaxu, 1992
24. Хёффе О. Основоположения критической философии права и государства/ Перевод Вл.С.Малахова при участии Е.В.Малаховой. –М.: Гнозис, 1994
25. Центр "Открытая Экономика". Круглый стол «Стабилизационный фонд РФ и его роль в экономической политике», 2005, <http://www.opec.ru/library/>
26. Яковлев А.А., Ясин Е.Г. Конкурентоспособность и модернизация российской экономики// Фонд «Либеральная миссия». Дискуссии, 2004, <http://www.liberal.ru>
27. Commons J. Institutional Economics//AER, V. 21, N. 4, pp. 648-657
28. Williamson O. The new institutional economics: taking stock, looking ahead// Journal of economic literature, Vol. 38, № 3 (Sept., 2000), 595-613